

ЭВЕРИ КОРМАН

Отец или мать,
Истец или ответчик...

КРАМЕР
ПРОТИВ КРАМЕРА

Эвери Корман

Крамер против Крамера

Серия «Истинные ценности»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66260644

Эвери Корман. Крамер против Крамера: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-120671-0

Аннотация

Счастливая, казалось бы, жена и мать Джоанна Крамер внезапно уходит из семьи, устав быть только женой и матерью и оставив малыша Билли на руках своего мужа Теда.

Растерянный, сбитый с толку, Тед отчаянно пытается сделать то, что раньше не представлял даже возможным, – совместить работу с воспитанием ребенка.

Однако полтора года спустя, когда жизнь Теда и Билли наконец-то начинает налаживаться, внезапно возвращается Джоанна – не в семью, а с требованием опеки над сыном.

Начинается процесс «Крамер против Крамера»...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	33
Глава четвертая	41
Глава пятая	59
Глава шестая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Эвери Корман

Крамер против Крамера

KRAMER VS KRAMER

Печатается с разрешения автора при содействии его литературных агентов ICM Partners.

© Avery Corman, 1977

© Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Эвери Корман – один из представителей американского психологического реализма второй половины XX столетия. Перу этого поистине незаурядного прозаика, умеющего с легкостью сочетать в своих произведениях глубокий драматизм с легким жизнеутверждающим юмором, принадлежат девять романов, включая культовый «Крамер против Крамера», с успехом идущие на американской сцене пьесы и про-

изведения в жанрах документальной и мемуарной литературы.

* * *

Книга, послужившая основой для нестареющего одноименного фильма с Дастином Хоффманом и Мерил Стрип в главных ролях.

Роман, который в конце 1970-х годов произвел эффект разорвавшейся бомбы, вызвал бурные общественный дискуссии сначала в США, а потом и в Европе и всерьез изменил устоявшуюся привычку непременно оставлять детей после развода с матерью.

* * *

Посвящается моей матери

Глава первая

Тед не ожидал увидеть кровь. Ни книги, ни инструктор не предупреждали о кровотечении и бурых пятнах на простынях. Он знал, что жене будет больно, и хотел ее поддержать.

– Я с тобой, родная. Дыши, – уговаривал он, как учили на курсах. – Раз, два, три, выдох...

– Пошел ты! – простонала Джоанна.

Он хотел быть полноправным членом акушерской бригады, без которого невозможно обойтись, но когда его впустили в палату, все уже началось. Джоанна сквозь стоны крыла его последними словами, а женщина на соседней кровати призывала по-испански свою мать и Господа Бога, у которых, очевидно, были дела поважнее.

– Давай дышать вместе, – жизнерадостно сказал Тед, чувствуя себя лишним.

Джоанна закрыла глаза, скорчившись от нового приступа боли, а медсестра отодвинула Теда в сторону, чтобы вытереть кровь и дерьмо.

Когда жена впервые подставила ему живот – послушать, как бьется сердце их будущего ребенка, Тед сказал, что это чудо. Сказал машинально, не думая. Его не слишком интересовали первые признаки зарождающейся жизни. Ребенка хотела Джоанна, а Тед согласился, ведь дети рано или позд-

но появляются у всех. Уже через месяц после снятия спирали жена объявила, что беременна, и он искренне удивился. Ему казалось, что он здесь ни при чем: ее идея, ее малыш, ее чудо.

Тед понимал, что ему полагается чувствовать связь с химическими процессами, происходящими в организме жены. Однако его больше волновала не зародившаяся в теле Джоанны новая жизнь, а прикосновения ее выпуклого живота во время занятий любовью. Тогда стали посещать фантазии о сексе с пышнотелыми женщинами. *Интересно, присущая многим из них грация – отчаянный самообман или они втайне знают, что могут доставить и получить необыкновенные сексуальные удовольствия*, гадал он, разглядывая их на улице. Тед Крамер, который смущенно отводил взгляд от афиш порнокинотеатра рядом с работой, теперь всерьез представлял себя героем фильма для взрослых под названием «Пышка».

На шестом месяце Джоанна покрылась пятнами. Доктор Энтони Фиск, которого журнал «Вог» называл одним из самых успешных и востребованных гинекологов на Западе, посоветовал ей соблюдать постельный режим и «вставить затычку». Тед с Джоанной устроили дискуссию на тему, что это означает в медицинском плане. Поздно ночью Тед набрал доктора Фиска, который, не скрывая раздражения из-за этого непредвиденного расследования и необходимости объяснять бестолковому мужу семантические тонкости своих ре-

комендаций, заявил, что в медицинском плане это означает следующее: пусть лежит спокойно, и никакого секса. Тед предложил сменить врача; жена заупрямылась, и они стали спать по разные стороны кровати. Так продолжалось добрых три месяца, вплоть до счастливого завершения беременности.

Все это время Джоанна не проявляла интереса к альтернативным способам занятий любовью, хотя Тед цитировал ей книги для беременных, в которых предлагались официально разрешенные варианты удовлетворения половых потребностей: «Адекватной временной заменой может стать сношение между бедрами».

Однажды ночью, когда Джоанна уснула, Тед попробовал мастурбировать в ванной, рисуя в воображении аппетитную толстушку, которую заприметил днем в метро. Не успев кончить, он мысленно переключился на жену, но все равно почувствовал себя виноватым, словно изменил ей. После этого случая он подавлял сексуальные желания и с головой погрузился в подготовку к появлению ребенка: одежды, матрасики, колыбельки, светильники, погремушки, коляски, выбор имени для малыша.

В отличие от него Джоанна могла часами сравнивать стульчики для кормления, которые можно крутить и нельзя, и Тед объяснял легкость, с которой она усвоила загадочную терминологию, естественностью нового для нее состояния – материнства. Сам он не видел разницы между кро-

ваткой и колыбелькой, хотя твердо усвоил, что у обеих имеются бортики, на которых размещают визуальные образовательные материалы – например, зайчиков.

Джоанна покупала одежду для беременных в магазине «Мадонна», и это название идеально подходило к ее нынешнему состоянию. Она удовлетворяла самым строгим канонам красоты будущей матери. Кожа очистилась, глаза сияли – ни дать ни взять Мадонна, прекрасная и целомудренная, спасибо доктору Фиску. Джоанна Крамер выглядела почти профессиональной красавицей. Модельной карьере помешал бы невысокий рост, но ее вполне можно было принять за актрису: стройная, изящная, с длинными черными волосами, тонким породистым носом, выразительными карими глазами и хорошей грудью. Тед называл ее самой красивой девушкой в округе. Собственную внешность он считал заурядной. Карие глаза, светло-каштановые волосы, метр семьдесят восемь, нос немного длинноват, и шевелюра начинает редеть. Он казался себе привлекательнее, когда держал под руку Джоанну, и искренне надеялся, что ребенок пойдет в мать.

Во время беременности Тед проявил себя как заботливый муж, готовый приносить жареные ребрышки в постель и бегать за мороженым сутки напролет. Однако у Джоанны не было типичных для ее положения капризов, так что он просто дарил цветы, хотя раньше находил это чересчур романтическим.

На седьмом месяце Джоанна спала как сурок, а Тед ворочался на своей половине кровати, погружаясь в тревожный сон и выныривая из него, томимый неясным беспокойством.

Курсы, на которые записалось десять пар, проходили в симпатичном особняке в Гринвич-Виллидж. Инструктор пообещала, что научит будущих мамочек управлять своим телом. Они так обрадовались, что не заметили подвоха. Как могут управлять своим телом раздувшиеся, словно шары, женщины, которые и ходят-то с трудом? Мужчинам, в свою очередь, было обещано активное участие в появлении на свет собственных детей. Тренер – энергичная девушка в облегающем трико – единственная во всем помещении могла похвастаться нормальным плоским животом. Во время обсуждения роли плаценты Тед представил, что занимается с тренершей сексом, – и период извращенного увлечения толстухами закончился. На очередном занятии «мисс плоский животик» вновь заставила Теда поволноваться: вывела на экран цветные слайды, крупным планом и в мельчайших подробностях изображающие стадии развития плода, а затем – новорожденных младенцев, приходящих в себя матерей и сияющих отцов. Только тогда Тед осознал, что у него скоро появится настоящий ребенок – живой, из плоти и крови, а не нарисованный в книжке или спрятанный у Джоанны в животе.

Днем позже он сидел во время перерыва на ступеньках

библиотеки на Сорок второй улице и ел мороженое, в десятый раз сравнивая цены на кровати в универмагах «Лорд и Тейлор» и «Сакс». Внезапно маячившее на задворках сознания беспокойство обрело четкую форму. Это был страх. Он боялся, что Джоанна умрет. Или что-то случится с ребенком. Или с ними все будет в порядке, а умрет он сам. Он тревожился, что мало зарабатывает и не сумеет обеспечить малыша всем необходимым; что возьмет его на руки и уронит; что ребенок родится слепым, умственно отсталым, хромым, одноруким или одноногим, с четырьмя пальцами или в пятнах; боялся, что не оправдает ожиданий и будет плохим отцом. Джоанну он в свои опасения не посвящал.

* * *

Тед решил уничтожить эти страхи в зародыше. Он уподобится богу, возьмет все в свои руки, не оставив на волю случая или невежества ни единой мелочи, и станет самым предусмотрительным, самым ответственным отцом в мире. Он не пропустил ни одного занятия. Словно супермен с рентгеновским зрением, он видел положение плода и все, что происходит внутри Джоанны. На девятом месяце, когда жене стало совсем невмоготу, он поддерживал ее, чем только мог. По его настоянию они ежедневно занимались дыхательными упражнениями.

На последнем занятии им показали документальный

фильм о естественных родах. В аудитории сидели всевозможные будущие отцы и животы разнообразной формы. Тед чувствовал родство с этими людьми и улыбался им, как старым друзьям. Фильм закончился, а вместе с ним подошел к концу и курс. Образцовый будущий отец Тед Крамер был готов к рождению ребенка.

– Ты расстроишься, если у меня не получится?

– Как это?

– Ну, я недавно говорила с женщиной, которая не смогла родить сама. Она чувствует себя виноватой.

– У тебя получится, не беспокойся, милая. Ты сможешь.

– Ладно.

Только не умирай, Джоанна. Тед не произнес это вслух.

Он не хотел пугать жену или вытаскивать на поверхность свои страхи.

Им казалось, что они все рассчитали. Звонок Джоанны застал Теда за рабочим столом в офисе – каких-то десять минут на такси. Однако все с самого начала пошло не по плану. Он не думал, что схватки начнутся столь внезапно и будут такими сильными. Когда он вбежал в квартиру, жена корчилась от боли на полу.

– Господи!

– Тед, мне плохо...

– Боже!

Все, чему учили на курсах, вылетело из головы. Он прижимал Джоанну к себе, пока боль не утихла. Схватил приготовленную заранее сумку – *хорошо, что не отпустил таксиста*, – и они помчались в больницу.

– Я этого не вынесу...

– Все будет хорошо, милая. Дыши.

– Нет.

– Ты сможешь, Джоанна. Пожалуйста, дыши.

Она постепенно поймала правильный ритм дыхания, и боль утихла.

– Прошло.

– Милая, когда снова схватит, старайся дышать глубже.

– Наверное, пусть лучше обезболят.

На углу Семьдесят девятой улицы и Парк-авеню началась пробка.

– Мы не можем ждать! – закричал он водителю.

– Что я могу сделать, мистер?

Тед выскочил из машины.

– Чрезвычайные обстоятельства! Мы спешим! У нас схватки!

Выбежав на середину дороги, он направлял и расталкивал автомобили, точно взбесившийся автоинспектор.

– Черт, уберите этот грузовик! Дайте проехать!

Закаленные нью-йоркские водители удивлялись при виде маньяка, но слушались. Это был момент славы. Он превратился в героя, спасающего беременную жену от нью-йорк-

ской дорожной пробки. Они помчались дальше, таксист по настоянию Теда сигналил.

– Поезжай на красный, я заплачу!

Звездный час длился недолго. Когда приехали в больницу, Джоанну увезли наверх, а Тед остался один в приемной, бывший герой. Теперь за все отвечали другие, и сейчас ей брили лобок.

– Это недоразумение, – сказал он медсестре. – Я должен быть со своей женой.

– Вас позовут.

– Когда?

– Через двадцать минут, мистер Крамер.

– Они могут оказаться решающими.

– Да, мы знаем.

Кроме него в приемной сидел крепыш лет тридцати пяти, откинувшийся на спинку кресла с таким невозмутимым видом, точно смотрел телевизор у себя в гостиной.

– В первый раз? – повернулся он к Теду.

– Вам действительно это интересно? – вскипел Тед.

– Послушай, друг, я всего лишь спросил...

– Извините. Да, это мой первый ребенок, – улыбнулся своей горячности Тед.

– А у меня – третий.

– Самое страшное – ждать. Как раз когда хочется быть ближе – ее забирают.

– Скоро все закончится.

– Предполагалось, что я буду с ней. Мы готовились к естественным родам.

– Молодцы.

– А вы?

– При всем уважении, это чушь. Ее вырубают, она ничего не чувствует, и вы получаете своего ребеночка без лишних мучений.

– Это примитивный взгляд.

– Думаешь?

– А вы не хотите помочь своей жене?

– Я и буду ей помогать. Когда их выпишут: в любое время суток, днем и ночью.

Что тут скажешь? Тед уверял себя в правильности осознанного выбора, опытный папаша оставался при своем мнении. В конце концов Теду разрешили подняться в родильный зал, где Джоанна якобы не могла обойтись без его помощи. По дороге он мысленно прошелся по списку задач: следить за частотой и продолжительностью схваток, не забывать о дыхании, отвлекать разговорами, промокать лоб, увлажнять губы. *Я все сделаю как надо. У меня нет времени бояться.*

Когда Тед вошел в палату, Джоанна корчилась от боли. Он попытался напомнить ей, как правильно дышать, и она его послала. Женщина на соседней кровати ругалась по-испански. Сестра отодвинула его в сторону. Он представлял все совсем по-другому.

Наконец появился доктор Фиск: высокий красавец с гу-

стой гривой белокурых волос.

– Подождите в коридоре, – бросил он Теду.

Через несколько минут врач вышел, и медсестра позвала Теда в палату.

– Уже скоро, – сообщила она. – При следующих схватках начинаем тужиться.

– Как ты, солнышко? – спросил он у Джоанны.

– Ужасно.

Вновь начались схватки; он поддерживал Джоанну, которая тужилась изо всех сил, и вдруг в отверстии показалось темное пятнышко – головка ребенка. *Вот оно – великое таинство рождения. Наивно думать, что от тебя что-то зависит. Потрясающе!*

– Мистер Крамер! – окликнул его доктор Фиск. – Сейчас будем принимать роды.

Тед поцеловал вымученно улыбнувшуюся Джоанну и вышел с ним в другую комнату.

– Делайте как я, мистер Крамер.

Повторяя за врачом, Тед тщательно вымыл руки, надел голубой халат. Постоял, глядя в зеркало на внешние атрибуты игры, и окончательно понял, что не может повлиять на ход событий. И тогда ему стало по-настоящему страшно.

– Готовы?

– Надеюсь, да.

– В обморок не рухнете?

– Нет.

– Знаете, когда отцов только начали пускать в родовые палаты, появилась теория, что мужчина, увидевший, как рожает его жена, может временно превратиться в импотента.

– Неужели?

– Он испытывает не то потрясение, не то чувство вины, что причинил жене такие страдания, и половой член отказывается выполнять свои функции.

Ему что, больше поговорить не о чем?

– Доказательств пока нет, но наводит на размышления, правда?

– Не знаю.

– Пойдемте, мистер Крамер. Не вздумайте падать в обморок или становиться импотентом, – усмехнулся доктор Фиск.

Теду было не до шуток. Он с каменным лицом вошел в палату, где лежала утратившая всякое достоинство Джоанна, словно подготовленная к странному языческому ритуалу: наполовину прикрыта простыней, ноги подняты и расположены на специальных подставках. Ее окружала толпа: врачи, медсестры, студенты, которые пришли поглазеть на Джоанну с задранными ногами.

– Так, Джоанна, тужьтесь по команде, а затем расслабляйтесь, – велел доктор Фиск.

Тед обрадовался: они проходили это на курсах и тренировались дома.

– Мистер Крамер, встаньте рядом с женой. Можете смот-

реть сюда. – Акушер указал на зеркало над столом.

– Давайте. Тужьтесь! – крикнул доктор, и все пошло очень быстро: Джоанна стонала, когда накатывала боль, старалась глубоко дышать в промежутках и вновь напрягалась. Тед обнимал ее, и она тужилась еще сильнее.

– Еще чуть-чуть, малышка! – сказал жене Тед.

Они вновь тужились, и вдруг раздался детский крик, Джоанна заплакала, а Тед целовал ее потный лоб и соленые от слез глаза и обнимался со всеми незнакомыми людьми, которые вовсе не были равнодушными наблюдателями, а сияли от счастья. Даже знаменитый доктор расплылся в улыбке, и в этой праздничной атмосфере, пока Уильяма Крамера взвешивали и измеряли, Тед пересчитывал его ручки, ножки, пальчики, с облегчением убеждаясь, что малыш не калекка.

В палате они тихонько обсудили всякие мелочи: кому позвонить, что сделать, и Джоанну потянуло в сон.

– Ты лучше всех, Джоанна!

– Да, я справилась. В следующий раз закажу доставку почтой.

– Я люблю тебя.

– И я тебя.

Перед уходом Тед поднялся в детское отделение посмотреть на ребенка, мирно спящего в картонной коробке.

– Привет, малыш, я твой папочка, – произнес он вслух, убеждая в этом прежде всего самого себя.

Тед спустился, позвонил кому нужно, и несколько следующих дней, на работе и дома, у него перед глазами стояло крошечное личико сына. Он не подозревал, что способен так растрогаться.

Он не стал незаменимым помощником, как обещали на курсах, но растолкал дорожный затор и держал в объятиях Джоанну в самый важный момент ее жизни – при рождении сына.

Позже, когда все встало с ног на голову и Тед пытался вразумить жену, он напомнил ей об этой волнующей минуте.

– Я даже не помню, был ли ты рядом, – ответила она.

Глава вторая

Они встретились на Файер-Айленде. Тед оплачивал одну вторую долю в доме с коллективной арендой и приезжал на выходные два раза в месяц, а Джоанна за свою четверть доли – один, и эта нехитрая арифметика свела их вместе на субботней вечеринке с коктейлями. На шумной террасе, полной народу, вокруг Джоанны вертелось трое воздыхателей. Тед посмотрел ей в глаза, и она ответила на его взгляд, не выделив среди десятка других «охотников». Оставшиеся выходные Тед проводил в городке Амагансетт, на южном берегу Лонг-Айленда, надеясь встретить ту самую, единственную. Или хотя бы очередную. Обладая достаточным опытом, он знал, как завязать знакомство с очаровательной девушкой, окруженной парнями и готовой сделать выбор.

С одним из поклонников темноволосой красотки Тед играл накануне в пляжный волейбол. Подойдя поближе, он облокотился о перила и заговорил с парнем. Тот из вежливости представил его своей спутнице. Так они познакомились.

На следующий день Тед не нашел свою симпатию на пляже, но рассудил, что она в любом случае должна покинуть остров на одном из трех вечерних паромов. Он устроился на причале – беспечный донжуан, любующийся закатом. Джоанна встала в очередь на второй паром. На этот раз ей составляли компанию две подружки – симпатичные, вполне

достойные Ларри с его «спецтранспортом». После развода с женой и раздела имущества старому приятелю Теда достался древний раздолбанный «универсал». По воскресеньям Ларри подвозил самых симпатичных девушек в город. Мало кто отказывался от столь соблазнительного предложения, и Ларри со своим «автобусом» порой напоминал водителя, который развозит по домам стюардесс из аэропорта.

– Привет, Джоанна, я Тед. Помните меня? Вас есть кому подвезти?

– А вы тоже этим паромом возвращаетесь?

– Приятеля жду. Пойду его разыщу.

Тед прогулочной походкой двинулся по причалу, но как только завернул за угол, стремглав помчался домой.

– Ларри, там такие девчонки! – закричал он и потащил приятеля на пристань.

По пути на большую землю кто-то из девушек задал Теду неизбежный вопрос: «Чем вы занимаетесь?» Отвечая, Тед всякий раз испытывал неловкость. У него сложилось впечатление, что все знакомые женщины ведут рейтинг. По десятибалльной шкале врачи оцениваются в десять баллов, адвокаты и биржевые брокеры – в девять, рекламные агенты – в семь, если живешь в центре – три балла автоматом, собственный бизнес дает восемь, а учителя не поднимаются выше четверки. Все остальные (а что это такое?) – не больше двух. К этой категории чаще всего относили и Теда. Если начинаешь объяснять, а они все равно не понимают, твой рей-

тинг опускается до единицы.

– Продажа пространства.

– Где именно? – спросила Джоанна.

Раз не надо объяснять, он получит пять баллов.

– В сети журналов «Отдых».

– А, понятно.

Оказалось, что она работает в рекламном агентстве Джея Уолтера. *Вот оно что*, подумал Тед. *Смежная отрасль. Ну, все-таки не библиотечарша из захолустного Куинса.*

Прибыв в Большое яблоко с дипломом бостонского университета, Джоанна Стерн с удивлением обнаружила, что этот документ не является волшебным ключом от всех дверей Нью-Йорка. Пришлось окончить курсы секретарей, после чего она переходила с одной «шикарной» работы на другую. По мере накопления опыта работать становилось интереснее, и на момент знакомства с Тедом она занимала должность исполнительного секретаря в отделе по связям с общественностью компании «Джей Уолтер Томпсон».

В двадцать четыре она впервые сняла отдельную квартиру: связалась с женатым из офиса, и делить жилье с подругами было неудобно. Они встречались три месяца, но однажды он напился, блеванул на ковер и уехал поездом к жене в Порт-Вашингтон.

На Рождество Джоанна навещала родителей в Лексингтоне, штат Массачусетс, и отчитывалась в успехах: на работе все хорошо, кое с кем встречаюсь. Ее отец владел процветаю-

щей аптекой в городке, мать вела домашнее хозяйство. Джоанна была единственным ребенком в семье, любимой племянницей и кузиной, ее баловали. Если она хотела провести лето в Европе или купить новую одежду, родители с удовольствием давали ей денег. Мать с гордостью говорила, что она никогда не доставляла хлопот.

Джоанна периодически просматривала объявления, думая, чем еще хотела бы заниматься в жизни. Пока что она получала сто семьдесят пять долларов в неделю, не особо напрягаясь, и не стремилась к переменам. Хотя в последнее время все немного приелось. Нынешний любовник Билл ничем не отличался от прошлогоднего Уолта (оба женаты), а до этого друг друга сменили холостые Дон, Стэн, Майкл и Джефф. Она подсчитала, что такими темпами к тридцати годам дойдет до двух дюжин, а это уже перебор. Джоанна устала и пресытилась. Когда она призналась Биллу, что скучает без него по выходным и дразнясь намекнула, что не прочь побывать в гостях, ему это не понравилось, и они расстались.

Тед не стал для Джоанны следующим, она держала его в режиме ожидания. Теду перевалило за тридцать; до сих пор появлявшиеся в его жизни женщины не оставляли заметного следа. Окончив Нью-йоркский университет по специальности «управление бизнесом», он понял, что может заниматься чем угодно, а по сути – ничем. Тед устроился стажером в небольшую фирму, торгующую электроникой, затем отслужил шесть месяцев в армии, после чего работал тор-

говым представителем в оптовой компании по продаже бытовой техники. Семейный бизнес его не интересовал. Отец, державший небольшую закусочную, годами жаловался, что куриный салат и горы мусора сидят у него в печенках; Тогда они тем более не прельщали. Одна пожилая дама, съевшая собаку на работе с кадрами, дала ему невероятно ценный профессиональный совет:

– Твоя ошибка заключается в том, что ты пытаешься продавать товары. Ты для этого недостаточно пробивной.

– Что вы имеете в виду? – смущенно спросил он.

– Ты умен. Ты можешь продавать, но не товары, а идеи.

Через пару недель она предложила ему именно такую работу – продавать рекламное пространство в группе мужских журналов. Здесь необходимо было разбираться в демографии и законах рынка, работать с результатами исследований. Специалисту в этой области требовались не железная хватка, а интеллект, и Тед Крамер нашел свое призвание.

В начале осени Тед наконец пригласил Джоанну на первое свидание, и они провели приятный вечер за ужином в уютном ист-сайдском пабе. А дальше все произошло как-то само собой. В очереди перед Тедом толкались локтями биржевой брокер, технический писатель и архитектор, однако первого интересовали только акции, второй слишком увлекался травкой, а третий постоянно сравнивал Джоанну с другими женщинами. Обстановка располагала ко второму свиданию. В нью-йоркских молодежных кругах ценился необыч-

ный подход, и Тед сумел удивить Джоанну: пригласил ее в тот же самый паб, заявив, что это счастливое место. Он остроумно подшучивал над их обоюдным одиночеством, не выпендривался, как арт-директор Винс, вечно отиравшийся у ее стола и корчивший из себя бисексуала, и не рассказывал сказки, что находится на грани развода, как директор по рекламе Боб. Она уже проходила это с Биллом и Уолтом.

– Знаешь, как я обычно поступаю с девушкой, если думаю, что она мне нравится? – спросил Тед.

– Ты всего-навсего думаешь, что я тебе нравлюсь? – удивилась Джоанна.

– Мы ведь только начинаем встречаться. Так вот, я приглашаю ее провести выходные в Монтоке.

– А не рановато?

– Будет стоять восхитительная осенняя погода, и мы поймем, что нам не нужны слова.

– Или пойдет дождь, и мы поймем, что нам не о чем поговорить.

– Зато сэкономим время. А я – еще и кучу денег.

– Ладно, я посмотрю прогноз.

Через пару вечеров Тед повторил предложение, Джоанна согласилась, они взяли напрокат машину и отправились в Монток. Погода стояла прекрасная, темы для разговоров нашлись. Они повалялись на пляже, закутанные в плед, и честно признались друг другу, что устали от одиночества, с чем и отправились в постель.

Нельзя сказать, что Джоанна Стерн уже тогда выделила Теда Крамера из толпы претендентов как человека, за которого намерена выйти замуж. Ей просто хотелось видеть его чаще других поклонников. По общепринятым стандартам это означало, что она ляжет с ним в постель, а ее личные правила запрещали при этом спать с другими. Тед, ничем не выделявшийся среди предшественников, на время стал главным. И так сложилось, что за ним не последовал никто другой.

Постепенно их отношения вышли за рамки обычных свиданий. Они начали оставаться друг у друга на день-два: еще не жили вместе, но уже и не просто встречались. Теду казалось, что он вытянул счастливый билет. Он нашел девушку своей мечты, принадлежащую к его кругу, понимавшую, в чем состоит его работа, умную и при этом потрясающе красивую – звезду пляжных вечеринок и воскресных коктейлей.

Наступила весна – критический период. Джоанна чувствовала зуд в чреслах женатых боссов, мечтающих закрыть роман с офисными девушками, а вместо этого усердно грузивших в свои просторные машины купальные костюмы, удочки, жен и детей. На работе Теда попросили сообщить желаемое время отпуска.

– Нам нужно срочно кое-что решить, – сказал он Джоанне, которая на секунду испугалась, что он намекает на более серьезные отношения. – У меня две недели отпуска. Хочешь провести их со мной?

– Почему бы и нет?

– Ларри собирает народ для совместной аренды. Можем войти в долю. У нас будет комната на две недели плюс выходные.

Ни Джоанна, ни Тед никогда до сих пор не отдыхали на Файер-Айленде в качестве пары.

– Вроде неплохо.

– Все вместе обойдется в четыре сотни с каждого.

– Да ты ловкач!

– Думаю, будет круто.

– Ладно, договорились. Тем более я уже знаю, что ты не хранишь.

Когда главный бухгалтер Мел (жена в Вермонте) завис над ее столом и спросил, где и с кем она проводит отпуск, Джоанна непринужденно ответила:

– На Файер-Айленде со своим парнем.

Она впервые назвала Теда своим парнем, и это оказалось чертовски приятно, особенно когда Мел промычал что-то нечленораздельное и быстро унес свои пылающие чресла в другую сторону.

Отдыхая вдвоем в курортном местечке, где большинство людей находится в поиске, где они сами когда-то «охотились», Тед с Джоанной чувствовали себя особенными. Услышав, что холостяцкая вечеринка у соседей закончилась обрушением террасы, не выдержавшей гормонального напора, они порадовались, что их там не было: они мирно сидели

дома, поедая шоколадно-карамельные пирожные. При виде несчастных одиночек, тоскующих в поисках компании, общения, телефонного номера, не оставляющих попыток найти пару до самого последнего парома, их сердца наполнялись взаимной благодарностью.

Они занимались сексом раскованно, с огоньком, необходимость всегда быть начеку и улучать удобные моменты придавала особую изюминку и остроту. Но приятнее всего было знать, что даже по окончании лета они смогут остаться вместе, если захотят.

– Джоанна, выходи за меня замуж. Пожалуйста! Я еще ни одной девушке этого не предлагал. Ты выйдешь за меня?

– Да. Я согласна.

Они пылко обнялись, преисполненные самых искренних чувств, но за этой страстью скрывалась признательность за то, что они нашли друг друга и не надо больше бродить по тропинкам с бокалами в руках, высматривая своего человека.

Джоанне казалось, что ребенок плачет уже не меньше двух часов кряду.

– Ровно сорок восемь минут, я засекал, – уточнил Тед.

Они падали с ног от усталости. Младенца укачивали, похлопывали, подбрасывали, брали на руки, укладывали в кроватку, поднимали, пытались игнорировать, катали в коляске, пели песенки, а он все равно плакал.

– Кому-то из нас надо поспать, – заметил Тед.

– Я уже сплю.

Билли исполнилось четыре месяца. Детская медсестра ушла, вручив им золотого ребенка, который не плакал по ночам, да и днем очень редко. Буквально в тот же день малютку словно подменили. У него появились многочисленные потребности, о которых он извещал громким криком.

Когда родился малыш, съехались гости: родители Джоанны из Массачусетса, родители Теда, которые наконец вышли на пенсию и обосновались во Флориде, и его брат с женой из Чикаго. Эту ораву надо было кормить и поить.

– Хорошо, что я не стал ресторатором, – порадовался Тед.

– Зато я стала. Если мне придется накормить еще одного человека, я вручу ему счет.

После ухода медсестры и прощания с гостями, которые благополучно отбыли по домам, Тед с Джоанной падали с ног. Они не были готовы к такому количеству дел и забот, которые свалились на голову вместе с новорожденным.

– Мы так давно не занимались любовью, что я забыл, как это делается.

– Не смешно.

– Мне тоже.

Первое время Тед старался вести себя в соответствии с новой ролью, то есть вставал ночью вместе с Джоанной и составлял ей компанию, пока она кормила малыша грудью, и они клевали носом все втроем. Однако после того, как пару

раз чуть не уснул на работе, он начал правдами и неправдами сокращать свои ночные бдения, оставляя Джоанну наедине с ребенком.

К восьми месяцам малыш стал лучше спать по ночам, но Джоанна по-прежнему изнемогала от дневных забот: стирка, уборка, кормления, покупка продуктов. Она знала, что должна с нетерпением ждать прихода Теда с работы, как преданная и заботливая жена. На самом деле она ждала мужа только для того, чтобы попросить помощи по хозяйству: разобрать стирку, помыть пол на кухне.

– Джоанна, я хочу тебя.

– У меня нет сил. Все, чего хочу я, – это отдельная спальня.

Они принужденно посмеивались и вскоре засыпали.

Знакомые говорили, что со временем станет легче, и оказались правы. Билли стал крепко спать по ночам и превратился в сущего ангелочка. Опасения Теда, что сын унаследует его внешность, оказались беспочвенными. Никто не говорил, что ребенок похож на него: аккуратный маленький носик, большие карие глаза, прямые темные волосы – просто красавчик.

С появлением сына их круг общения изменился. Одиночки вращались в другой звездной системе. Сразу после свадьбы Тед с Джоанной обосновались в ее квартире в восточной части Манхэттена, в здании, где жила бездетная молодежь, а вскоре после рождения Билли переехали в более ком-

фортный для семейного проживания дом. Подружились с соседями снизу, стоматологом Чарли Шпигелем и его женой Тельмой. Их дочка Ким родилась на три месяца раньше, чем Билли. Еще в круг общения вошли продавец рекламного пространства из «Ньюсуик» Марв с женой Линдой – счастливые родители Джереми, на два месяца старше Билли. Новоиспеченные мамочки и папочки могли часами сидеть за говядиной по-бургундски, обсуждая движения кишечника и преимущества грудного вскармливания, оживленно споря и сравнивая развитие детей – кто когда начал ползать, сидеть, ходить, говорить и проситься на горшок. Это интересовало всех. Иной раз кто-нибудь спохватывался: «Неужели нам больше поговорить не о чем?» – и они меняли тему, однако беседа все равно возвращалась к воспитанию детей, садикам, государственным и частным школам. На фильмы, выставки и книги ни у кого из присутствующих не хватало времени.

К полутора годам Билли Крамер стал ребенком, на которого заглядывались прохожие – под стать красавице-матери.

Тед получил прибавку к зарплате благодаря тому, что стал отцом – членом особого клуба. Он ходил на матчи «Джайентс» со старым приятелем по колледжу, юристом Дэном, а на работе читал новости и «Уолл-стрит джорнэл». Круг общения Джоанны составляли мамы с парковых скамеек и Тельма. Тед жил в ярком, интересном мире, который населяли люди выше восьмидесяти сантиметров ростом, разговаривавшие полными предложениями. Джоанна не могла по-

делиться своей постыдной тайной ни с мамочками на скамейках, ни со старыми подругами, ни с Тедом. Даже если пыталась, ее никто не слушал.

– Я люблю своего ребенка, – призналась она как-то Тельме, – но мне с ним скучно – каждый день одно и то же.

– Да, – согласилась Тельма, и Джоанна подумала, что обрела союзницу. – И все-таки это очень увлекательно – смотреть, как они растут, – продолжила та.

Ее не понимали. Приятельницы либо не признавались в этом самим себе, либо смотрели с какой-то другой точки зрения. Однажды она спросила в телефонном разговоре у матери:

– Тебе было со мной скучно?

– Нет. Ты никогда не доставляла хлопот.

Может, со мной что-то не так? Как-то вечером, выслушав пространный монолог Теда о размолвке с коллегой, она, как могла, успокоила мужа и заговорила о собственных тревогах:

– Я люблю Билли, он прелестный ребенок, только, понимаешь, все мои дни похожи один на другой. Быть мамой – скучно, Тед. Никто этого не признает.

– Ну, что поделаешь? Потерпи, со временем все наладится, он еще маленький. Зато какой красавчик!

Тед просто не хотел ее слышать. Отвернулся и уснул.

Глава третья

Джоанна так и жила, храня свою тайну. Ситуация не налаживалась. Главным событием лета стало то, что Билли покакал в горшок.

– Молодец, Билли! – Они с Тедом захлопали в ладоши, и сын последовал их примеру. Ребенка надо поощрять.

– Хочу какать, – сказал Билли через несколько дней, пошел и покакал.

Когда позвонил Тед – сообщить, что подписал крупный контракт, – у Джоанны тоже были прекрасные новости: «Он сказал, что хочет в туалет, сел на горшок и сделал все сам». Это была даже не ее победа, не ее какашка.

Билли исполнилось два годика. Иногда он упрямился или капризничал, но стремительно развивался и становился личностью, превращаясь из примитивного существа, способного размазать творог по всему лицу, в более-менее цивилизованного человека, которого можно повести в воскресенье в китайский ресторан.

Джоанна разрешила Билли смотреть «Улицу Сезам»; он хлопал глазами и, разумеется, не все понимал, зато у нее освобождался целый час времени.

Карьера Теда складывалась успешно. Чуждый агрессии и напора, в молодости он осторожно нащупывал свой путь и постепенно превратился в опытного специалиста. За про-

шлый год он легко заработал двадцать четыре тысячи – не бог весть какие деньги для Нью-Йорка, но больше, чем когда-либо прежде, и продолжал идти вверх. Тед следил за последними тенденциями в своей области, и непосредственный начальник, менеджер по рекламе, называл его своей правой рукой. Он не пил с коллегами после работы и не ухлестывал за секретаршами. Дома его ждала семья: красавица-жена и самый прелестный ребенок на свете.

По выходным Джоанне было чуточку легче. Тед брал на себя часть домашних хлопот или уводил Билли на прогулку в парк, чтобы она могла пройтись по магазинам и просто отдохнуть. Когда знакомые спрашивали у Теда, трудно ли растить ребенка в городе, он отвечал, что вовсе нет. Джоанна в эту самую минуту изнывала от скуки, помогая Билли строить гараж из кубиков («Мамочка, поиграй со мной!»). Уже к четырем часам она начинала бороться со сном и желанием выпить бокал вина.

На совместных ужинах с друзьями порой заходил разговор о правах женщин и гендерных стереотипах в современном обществе, после чего пристыженные мужчины дружно вставали и шли мыть посуду. Тед порой встречался за ланчем со старыми приятелями. Джоанна не поддерживала отношений с подругами из прошлой жизни. Она дружила теперь с бывшей учительницей Эми, которую встретила на детской площадке. Разговаривали они, разумеется, о детях.

– Тед, я хочу работать.

– В смысле?

– Я сойду с ума, если буду целыми днями общаться с двухгодовалым ребенком!

– Можно иногда приглашать няню.

– Пара часов в неделю меня не спасет.

– Джоанна, милая, ребенку нужна мать.

– Линда работает. Она выходит в люди, она личность. А я общаюсь только с Билли, Джереми и Клео, которая не может дождаться моего ухода, чтобы включить «Как вращается мир».

– Так и ты посмотри.

– Не смешно.

– Хорошо, и куда ты пойдешь?

– На старое место.

– Значит, нам понадобится няня или домработница. У нас не такие высокие доходы, чтобы мы могли позволить себе терять деньги из-за твоей работы.

– А так мы потеряем меня.

– Не выдумывай, Джоанна! Ты прекрасная мать, а Билли – просто чудо.

– Я не могу больше делать вид, что мне с ним интересно. Меня тошнит от его дурацких игр и от кубиков. Ты общаешься с нормальными людьми, а я сижу на полу и строю гаражи.

– А помнишь, ты жаловалась, что тебе надоела твоя рабо-

та?

– Значит, найду другую.

– Какую, например? Что ты можешь делать, чтобы получать нормальные деньги?

– Не знаю. Я разбираюсь в связях с общественностью.

– Джоанна, ты была там обычной секретаршей.

– Нет, помощником руководителя.

– Это камуфляж. Ты была секретаршей.

– Как тебе не стыдно?

– Извини, но это правда. Как можно рисковать благополучием двухгодовалого ребенка ради места секретарши во второразрядной конторе? Ты и сама понимаешь...

– Нет.

– Послушай, когда он подрастет и пойдет в школу, ты сможешь поискать работу на первую половину дня.

– Спасибо, милый.

– Джоанна, откуда у тебя вообще такие мысли?

– Я два года схожу с ума от скуки.

– Другие матери как-то справляются.

– Не все. Некоторые работают.

– Ну, ладно.

– Что «ладно»?

– Дай мне поразмыслить.

– Я тебя предупредила.

– Забавно, я как раз думал, не завести ли нам второго ребенка.

– И придет же в голову!

– Говорят, если долго тянуть, потом труднее решиться.

– Да?

– Я имею в виду...

– Я не хочу второго ребенка, Тед.

– А зря. У тебя хорошо получается. То есть у нас.

– Мне даже представить страшно. Опять эти бесконечные кормления, бессонные ночи!

– Было бы здорово. Можно купить специальное сиденье на велик и колесить по городу.

– Возьми его напрокат.

Ясное дело, она имела в виду не сиденье, а ребенка. Джоанна разыскала свою новую подругу Эми и выложила все вза-
хлеб:

– Я больше не могу, мне скучно и тошно!

Эми не разделяла ее точку зрения. Она любила детей, ей нравилось быть матерью. Она согласилась с Тедом, что можно вернуться на работу, когда дети подрастут, и заявила, что ей не бывает скучно с собственным ребенком. Джоанна почувствовала себя так, словно получила двойку в четверти. И тут Эми ее огорошила. У нее тоже имелась страшная тайна. У Эми был любовник – женатый психиатр. Джоанна даже подумать о таком не могла. Она впервые видела перед собой замужнюю женщину, признающуюся в измене, да еще с психиатром.

– А им разве можно? – спросила она, пытаясь скрыть сму-

щение.

Обменявшись сокровенными тайнами, сестры по несчастью заключили друг другу в объятия и распрощались. Джоанна была в смятении. *Измена ничего не исправит, только добавит проблем.* Хотя мысль нанять няню, чтобы освободить время для встреч с любовником, ее изрядно повеселила.

Тед всерьез считал, что сочувствует борьбе за женское равноправие. Честно стараясь «нести свою ношу», он звонил Джоанне перед приходом домой и спрашивал, что купить. Но отвечала за все она. Он помогал с Билли, купал его, водил гулять по выходным. Она покупала сыну одежду, вырабатывала режим питания, водила к врачу, следила за прививками и развитием, решала, когда приучать его к горшку и перекладывать из колыбельки в кроватку. Он был папочкой, а она – мамочкой. Тед знал, что должен помогать, и очень старался. Только этого было мало.

Сверстники Билли на игровой площадке проходили через одинаковые стадии увлечения жирафами и велосипедами, а в три года всем пришлось поступить в детский сад.

– Интересно, как мне удалось вырасти, не посещая детский сад за полторы тысячи долларов в год? – саркастично спросил Тед. – Стоит ли выбрасывать чертову уйму денег на то, что трехлетний ребенок будет сидеть и рисовать картин-

ки в компании себе подобных?

Джоанна проявила твердость, зная, что получит несколько свободных часов в день.

– Все дети идут в сад, и если Билли не пойдет, он безнадежно отстанет в развитии, разучится говорить и никогда не восполнит этих потерь, – заявила она.

Теду пришлось выписать чек, и Билли стал посещать садик «Котятки». Правда, это не принесло Джоанне заметного облегчения. Тед иногда одевал сынишку по утрам и отводил в сад, но мальчик возвращался домой уже к обеду, и Джоанна должна была проводить с ним целый день, казавшийся ей бесконечным. Знакомые мамы соглашались, что все трехлетки одинаковы, но это мало утешало Джоанну, когда Билли требовал не треугольные, а квадратные сэндвичи с арахисовым маслом, а молоко хотел пить из чашки с клоуном, а не из стакана со слоником. Он отказывался пользоваться помятой цветной бумагой, жаловался, что у гамбургера слишком твердая корочка, хотел желтый велосипед со звонком, как у Рэнди, а не красный с пищалкой и проливал на пол яблочный сок уже через десять минут после ухода уборщицы, получившей двадцатку.

Пусть Тед ворчал, что жизнь дорожает, дела в компании идут неважно и ему могут урезать зарплату – он хотя бы работал и обсуждал читательский спрос и стоимость страницы, а не марки арахисового масла. «Прости, Билли, я забыла, что ты любишь “Джиффи”, я почему-то думала, что “Скиппи”».

«Нет, я же сказала, нельзя есть на завтрак сэндвич с мороженым!»

– Иду, иду! Я была в туалете. Ради бога, ты не можешь сам достать эту чертову машину?

– Мамочка, не кричи на меня!

– Да перестань ты реветь!

Он плакал еще громче, и приходилось обнимать и успокаивать его, а ее никто не успокаивал.

Глава четвертая

Когда она играла Белоснежку в школьном спектакле, у нее от волнения началась крапивница. И когда заняла второе место по красоте на выпускном. И на первом свидании с Филипом из Гарварда. Родители всегда были готовы купить ей кашемировый свитер или новый браслет, а первые годы в Нью-Йорке помогали оплачивать квартиру. Во время третьего романа с женатым Джоанна задумалась, не превращается ли это в привычку, и ее снова обсыпало. Она позвонила маме, которой показалось, что дочка грустила, и получила чек на двадцать пять долларов (порадуй себя, доченька). От волнения у нее всегда начиналась крапивница, и родители держали наготове каламиновый лосьон.

Учась на курсах секретарей, Джоанна однажды почувствовала знакомый зуд под кожей и испугалась, что снова покроется пятнами. С тех пор она старалась избегать стресса. Всегда соблюдала порядок на рабочем столе, делала все вовремя, чтобы не волноваться, и не брала на себя больше, чем могла осилить. Хорошая секретарша – вполне достойная работа. Она не собиралась строить карьеру, жертвуя сном и едой, зарабатывая нервный тик, как знакомые по прежней жизни женщины-руководители. *Мне не нужна крапивница.*

– Что это? – спросил Тед, увидев ее раздетой в один из редких вечеров (не чаще раза в неделю), когда они собирались заняться любовью. Трехгодовалый ребенок – сущее наказание. Оба так уставали!

– Ничего, фруктов переела.

Ее спасли господа Уилсон и Данлоп. Пара часов на корте – и сыпи как не бывало. Скоро Джоанна полностью отдалась почти забытой страсти. В старших классах она занималась теннисом наряду с уроками фортепиано и чечетки. В колледже играла постоянно, удивляя спортивных поклонников умением перебросить мяч через сетку, а вот после переезда в Нью-Йорк – редко, еще до встречи с Тедом. Он больше любил велосипед, иногда выходил на школьную площадку и играл с соседскими подростками в баскетбол. Возвращался измученный и начинал вспоминать чудесные старые времена в Бронксе.

Эми обмолвилась, что тоже когда-то играла в теннис. Они купили абонементы и начали тренироваться в Центральном парке. Сначала раз в неделю по утрам, пока дети в саду, потом два. Чуть позже Джоанна стала брать платные уроки – двух раз в неделю ей уже не хватало. Когда выигрывала, у нее поднималось настроение, и наоборот. Она мысленно прокручивала в памяти удары и анализировала ошибки пе-

ред сном, смотрела турниры по телевизору, стала играть заметно лучше и с легкостью побеждала Эми. Теннис помог ей продержаться до лета.

Компания Теда испытывала финансовые трудности, ему урезали зарплату на десять процентов и попросили ограничиться неделей отпуска. Джоанна заявила, что у нее расплавятся мозги, если придется в душную летнюю жару водить Билли на пустую площадку. Тед проявил понимание и предложил компромисс: Билли посещает летнюю группу в садике, в августе они позволяют себе неделю скромного загородного отдыха; Джоанна отказывается от дорогостоящих уроков, но продолжает играть с Эми и еще двумя мамашами из садика. Она загорела, постройнела и выглядела просто сногсшибательно в белой теннисной юбочке и носках с помпонами, с яркой повязкой на волосах и спортивной сумкой «Адидас».

У Джоанны не было отбоя от мужчин, которые хотели сыграть с ней пару сетов просто ради того, чтобы завязать знакомство. Ее искушали фантазии: уйти после игры с симпатичным Луисом, Эриком или Кэлом, заняться любовью, а потом говорить о теннисе, а не о гаражах из кубиков.

Августовская неделя отпуска показалась Джоанне бесконечной. Тед говорил только о работе, о том, что компания переживает трудные времена. Он гадал, удержится ли в своем кресле до конца года. *У меня тоже трудные времена, думала Джоанна. Почему бы нам не обсудить мои проблемы?*

Она тонула в океане мелочей, которые казались Теду пустяками.

Они сняли недорогой домик в Хэмптон-Бэйс. На рекламных брошюрах курортный городок для среднего класса выглядел райским уголком, а в реальности кишел лодками, рыбаками и комарами. Билли попал в окружение детей постарше, не мог приспособиться к новой обстановке и цеплялся за ее юбку.

– Иди поиграй, Билли! Во что ты хочешь играть?

– Я не могу решить.

Это нормально для трех лет употреблять слово «решить»? Он такой развитый, такой славный и так ее достал!

– Ну, иди поплавай.

– Господи, Джоанна, ты с ума сошла? Он не умеет плавать!

– Ну так научи его. Я отдыхаю. Я имею право расслабиться?

Мужчины отправились в бассейн, а Джоанна поклялась себе больше никогда не ездить в отпуск с семьей – во всяком случае, туда, где нет теннисных кортов.

Корты Тед нашел. Местный клуб сдавал их посторонним за почасовую плату и даже предоставлял услуги няни.

– Ты же говорила, что будешь играть со мной!

Ракетку Джоанна захватила с собой, а Тед взял напрокат.

– Тебе что, трудно поиграть со мной часок?

Часок показался Джоанне неделей. Тед был никудышным теннисистом и топтался на площадке, как медведь. Рядом иг-

рали две смешанные пары постарше. Мячи Теда постоянно улетали на соседний корт, он бросался их доставать, путался под ногами и забывал возвращать чужие. Кроме того, Билли ухитрился сбежать от несовершеннолетней няни и вертелся у ограды, хныча, что ему не дают яблочного сока, а спрайт он терпеть не может. Пока Джоанна отводила беглеца обратно, Тед отправил мяч за забор и присвоил чужой. Она стыдилась его, жалкого неудачника из Бронкса. Ночью отдалась ему автоматически, просто ждала, когда он кончит, даже не пытаясь получить удовольствие.

В последний день отдыха, который наконец наступил, Джоанна бросила Билли с Тедом у бассейна и спустилась к пляжу. Села на причал, глядя в маслянистую воду. *Они хоть заметили, что я ушла? Или им безразлично? Да какая разница! Надоели! Как только приеду, позвоню Эми договориться на понедельник. И так целую неделю потеряла из-за этого клоуна. Господи, какая жара! В жизни не было такого отпуска! Хуже не бывает.*

У причала покачивались лодки. Прыгнув в одну из них, Джоанна оттолкнулась и опустила весла в воду. Осталось только дожждаться, чтобы проходящий мимо катер поднял волну и перевернул лодку. Сделав пару гребков, она предоставила суденышку полную свободу. *Была ли я когда-нибудь счастлива? В школе? Как покраснела от злости Вики Коул, когда Марти Расселл пригласил на свидание не ее, а меня! Приятно знать, что ты самая красивая! Интересно, где*

они теперь? Может, в эту самую минуту Вики тоже дрейфует в какой-нибудь лодке, размышляя, что стало со мной? В колледже было неплохо. Первый год в Нью-Йорке – вообще отлично. Потом – то лучше, то хуже. Но так ужасно, как сейчас, не было никогда. Смертельная скука, постоянное нервное напряжение и споры с Билли. Все надоело: вечно ноющий сыннишка, зануда Тед, дурацкий отпуск... который должен был спасти от скуки. Может, свеситься через борт и упасть в воду? Приятнее, чем сунуть голову в духовку, в такую-то жару. Родители поплачут и устроят пышные похороны, как полагается. Тед отлично справится без меня. Не пройдет и двух лет, как он женится на противной жирной корове из Бронкса, которая раскормит его по своему образу и подобию и сделает счастливым.

Гребя обратно к причалу, Джоанна увидела, что муж с сыном стоят у кромки воды и ловят мелких рыбешек в привязанную веревкой молочную бутылку с кусочками хлеба. Они даже не заметили ее отсутствия.

– Я сегодня ходила к Джею Уолтеру.

– Да?

– Напомнить о себе, узнать насчет работы.

– И что?

– Пока ничего.

– Этого следовало ожидать. Времена тяжелые. Я же тебе говорил, что мне урезали зарплату.

– Но они будут иметь меня в виду.

– Джоанна!

– Что ты бесишься?

– Давай подсчитаем. Сколько ты там зарабатывала? Сто семьдесят пять в неделю? Чистыми получается примерно сто тридцать. Почему сейчас домработницы?

– Сотня.

– Если повезет. Остается тридцать долларов. Двадцатка на ланчи, проезд и кофе. Твой доход составит десять долларов в неделю. А еще надо покупать одежду, в которой не стыдно прийти в офис – хотя бы одну блузку или юбку в месяц. Не хватает.

– Дело не в деньгах.

– В них тоже. Слишком накладно.

– Мне нужна работа.

– А ребенку нужна мать. Черт, Джоанна, потерпи еще пару лет! Ты хочешь испортить ему детство?

В остальных вопросах Тед проявлял гибкость – даже большую, чем другие отцы семейств. Он гулял с Билли в парке, иногда готовил еду – что-нибудь незатейливое, из холостяцкой жизни. Тед уделял ребенку и домашним делам значительно больше времени, чем его собственный отец и мужчины того поколения. Но когда дело касалось трудоустройства жены, он был, по выражению Билли, упрямее Фреда Флинтстоуна.

Стоило Джоанне заикнуться о работе, как он переводил

разговор на другое.

– Давай лучше забачаем второго ребенка?

– Я ложусь спать. Начинай без меня.

Джоанна планировала хозяйство, ездила за покупками, готовила еду, покупала одежду, водила Билли в садик и бо- весть куда еще. Играла в теннис. Время шло, хоть и медлен- но. Ей исполнилось тридцать два, а Билли шел четвертый год. Больше всего она любила сына, когда тот спокойно за- сыпал и не морочил голову из-за неправильного арахисового масла.

Пытаясь разобраться в себе, она выискивала в журналах статьи о подобных проблемах. *Я не чудовище. Сидеть дома с ребенком тяжело и утомительно, и не для меня одной.* Живя в центре Нью-Йорка, они с Тельмой и Эми оставались провинциальными клушами, которые общаются на площад- ке и смотрят, как растут их дети, а потом идут пить чай и готовить бараньи отбивные мужьям.

Тед знал, что Джоанна не смирилась, и искренне верил, что помогает жене, взяв на себя часть домашних дел. Он об- суждал это со своим приятелем Марвом из «Ньюсуик», ко- торый сказал, что у него в семье тоже не все гладко, как и у всех знакомых. Марв с женой решили переехать за город – начать все сначала. Глава рекламного отдела Джим О’Кон- нор, продержавшийся в браке двадцать пять лет, гуру семей- ной жизни, от которого уже в полдень разлило виски, задум- чиво изрек:

– Женщина есть женщина.

Тед с Джоанной почти не ссорились. Просто в отношениях появился холодок. Она порой злилась, отказывалась от секса под предлогом усталости, он отвечал той же монетой. У остальных дела обстояли не лучше. Как-то он позвал на ланч стоматолога Чарли – они впервые встретились без жен и говорили не о детях. Тед признался, что у них с Джоанной не ладится. Чарли понимающе кивнул. Стоматологи – уважаемые люди, достойные доверия. Чарли выдал рецепт: он уже два года трахает свою медсестру – прямо в зубоврачебном кресле. Временные пломбы – временные чувства...

На этом фоне их брак выглядел ничем не хуже других. *Наверное, это моя вина, что она отдалилась*, размышлял Тед, *у меня постоянно одна работа на уме. Джоанна по-прежнему красавица. Нам нужен второй ребенок. Это нас сблизит, как рождение Билли. Лучшие не тянуть. Я, Джоанна, Билли и еще одно чудесное маленькое существо.* Тед уже представлял себе большую крепкую семью, как на рекламной картинке. Первые несколько лет были трудными, однако со временем станет легче, у них ведь уже есть опыт. Через пару лет малыши подрастут, и у него будет потрясающая семья: очаровательная жена, прелестные детишки. Он создаст идеальный мир, свою вселенную, в которой все будет вращаться вокруг него – мужа, отца. Эта выстроенная собственными руками империя позволит ему забыть о собственной непривлекательности, о неодобрении родителей, о долгих годах, когда

Он искал свое место.

Тед обманывал себя, строя замки из песка.

– И скатерть с Чарли Брауном.

– Да, Билли.

– И шляпы, как у Ким. У всех клоунские, а у меня – королевская.

– Хорошо.

– Запиши, мамочка, чтобы не забыть.

– Есть. Скатерть с Чарли Брауном, шляпы.

– У меня – королевская.

– Да, я записала. Видишь букву «ка»? Это и есть «королевская».

– А торт будет?

– Конечно. Он уже в списке.

– Покажи. На какую он букву?

– Вот. На «тэ».

– С Микки-Маусом?

– Не знаю, делают ли в «Баскин Роббинс» торты с Микки-Маусом.

– Пожалуйста, мам! Я люблю Микки-Мауса. Он мой самый любимый.

– Я спрошу. Если нет, попытаем счастья в «Карвел». А может, лучше Дональд Дак?

– Он хороший, но Микки-Мауса я люблю больше.

– Я уже слышала.

– Мне будет четыре года, мам. Правда, я уже совсем большой?

На праздник должны были прийти друзья Билли по садику – целая цирковая труппа. Билли ходил на их дни рождения, а теперь они придут к нему. Джоанна с сыном обсуждали меню. По мнению Билли, фантастическая вечеринка не могла обойтись без пиццы, лимонада и торта из мороженого. Торт с Микки-Маусом заказали в кондитерской «Карвел», Джоанна нашла крошечные корзиночки для малюсеньких конфеток (однажды на работе ей пришлось организовывать торжественный ужин для сотни директоров и их жен в «Радужном зале»). Она купила совсем большому мальчику подарок от папы с мамой – гигантский конструктор «Тинкер Той», нашла скатерть и одноразовые тарелки с Чарли Брауном, и в одно прекрасное апрельское воскресенье к ним ворвался десяток малявок, которые в считанные минуты перевернули вверх тормашками весь дом. Тед стоял наготове с тряпкой. Все прошло гладко, если не считать, что малышка Мими Аронсон забыла упомянуть о своей аллергии на шоколад и покрылась пятнами. Вместе с ней пошла пятнами Джоанна Крамер.

– Тед, давай ты поиграешь с машинкой в другой раз. Мы убираем.

– Я просто посмотрел. Что ты психуешь?

– Одиннадцать часов. Я спать хочу.

– Ложись, я сам закончу.

– Нет, ты не умеешь убирать.

– Ну, я же не уборщица.

– Конечно, для этого есть я.

– Джоанна, подумай о хорошем. Праздник прошел замечательно.

– Еще бы, я с ног сбилась.

– Послушай...

– Думаешь, все это появилось по мановению волшебной палочки? Корзиночки и тарелки с Чарли Брауном? Я убила на этот гребаный праздник три дня!

– Билли в восторге.

– Ну да, он получил свой торт с Микки-Маусом.

– Джоанна...

– У меня прекрасно получается устраивать детские вечеринки. Восхитительные праздники для детей.

– Пойдем спать.

– Конечно, а весь этот бардак подождет до утра. Я завтра уберу.

Они молча уснули. Ночью Джоанна встала и пошла в детскую, где спал Билли со своей «компашкой»: плюшевым медвежонком, собачкой и тряпичным Энди. Комната была завалена трофеями: коробка с конструктором, домино, разноцветный грузовик, ознаменовавший четырехлетие боулинг. Джоанне захотелось разбудить сына и сказать: *«Билли, Билли, пусть тебе будет не четыре, а всего один годик, и мы начнем сначала. Будем играть в разные игры и веселить-*

ся, а не кричать и ссориться. Я стану доброй, любящей мамой, которая тискает и целует своего ребенка при любой возможности. Ты будешь держать меня за руку на улице, как настоящий мужчина, и сможешь говорить со мной обо всем на свете. Не обещаю стать идеальной матерью, их не бывает, но я перестану злиться, а постараюсь любить тебя. Если бы мы могли начать все сначала, Билли!» Но она ушла на кухню, чтобы не разбудить его своим плачем.

Джоанна уверяла себя, что не создана для материнства. Злясь или раздражаясь на сына, что было неизбежно, как с любимым четырехлеткой, она вновь и вновь убеждалась, что не любит своего ребенка, и он ее тоже. Она копила обиды на Теда. Стоило мужу совершить какой-либо промах – например, оставить рубашку на стуле, она вспоминала, что он вырос в Бронксе. *Только и знает, что говорить о работе, сексист проклятый. Все домашние дела на мне! Возомнил, что помогает!* Каждое дело: уборку, приготовление еды, поход за продуктами – она воспринимала как личное оскорбление. Вечеринки с друзьями – опять наша очередь! – все на ее плечах. Составить список, купить продукты, приготовить закуски. Тед, как всегда, отвечал за напитки – большое дело! Билли просыпается среди ночи и просит сока, а Тед дрыхнет без задних ног! Появившаяся на нервной почве сыпь уже не проходила, и Джоанна лежала ночью без сна, расчесывая себя до крови.

Тед смотрел на все по-другому.

– Подумать только, как мало я помогал тебе раньше, – говорил он. – Теперь я понимаю, как трудно быть матерью, и буду помогать еще больше. Тяжело, конечно, но дети – это такое счастье. Помнишь тот невероятный момент, когда ты рожала Билли, а я тебя обнимал?

– Да?

– Конечно, я держал тебя в объятиях, а ты тужилась!

– Правда? Я даже не помню, был ли ты там.

Тогда это не смутило.

– Джоанна, этот ребенок – лучшее, что у нас получилось.

– Да. Тед, ты хороший отец.

Она действительно так считала. Но еще один ребенок?

Нет, ни за что! Даже подумать страшно. И так все тело зудит.

Сначала Джоанна хотела оставить записку. Не спеша все обдумать и написать. Или напечатать? Машинописный шрифт разборчивее. Нет, лучше от руки. Поразмыслив, она решила, что проще всего уже после ухода отправить письмо без обратного адреса. Но потом все-таки подумала, что это нечестно.

Билли со своей компашкой уснул. Они с Тедом начали убирать со стола после очередной вечеринки с гамбургерами, тридцатой за год.

– Тед, я ухожу от тебя.

– Что?

– Я здесь задыхаюсь.

– Извини, я не расслышал.

– Я сказала, что ухожу.

– Не понял.

– Разумеется, ты не понял. Начну сначала. Тед, я от тебя ухожу. Теперь понял?

– Это шутка такая?

– Ха-ха.

– Что с тобой, Джоанна?

– Нашему браку конец.

– Я тебе не верю.

– Придется поверить.

– Мы недавно говорили о втором ребенке.

– Ты говорил.

– Джоанна, у нас есть трудности. Но они бывают у всех.

– Все меня не интересуют.

– Мы не так уж много ссоримся.

– У нас нет ничего общего. Кроме счетов, вечеринок и иногда постели.

– Я не понимаю.

– Не беда.

– Да что с тобой? Господи, что я сделал?

– Женщина должна быть личностью.

– Ну да, и что?

– Я задыхаюсь. Мне надо уйти.

– Это безумие. Я не согласен.

– Да что ты?

- Я тебя не отпускаю.
- Правда? Через пять минут меня здесь не будет.
- Это невозможно, Джоанна. Так не делается.
- Почему же?
- Нужно что-то предпринять. С кем-то посоветоваться.
- Знаю я их советы. Все эти советчики – жалкие неудачники, которые и в своей жизни разобраться не могут.
- Да что ты такое говоришь?
- Что слышал. Я должна уйти. И уйду.
- Джоанна...
- Феминистки будут мне аплодировать.
- Какие еще феминистки?
- Я ухожу, Тед.
- Куда, черт возьми?
- Не знаю.
- Не знаешь?
- Это не имеет значения.
- Как это?
- Очень просто. До тебя когда-нибудь дойдет?
- Джоанна, я слышал, что так бывает. Но не могу поверить, что это происходит с нами. Нельзя вот так просто взять и уйти!
- Какая разница, как я уйду? Надо было оставить записку.
- Мы что, в третьем классе? Ты решила порвать с мальчишкой, писавшим тебе валентинки?.. Мы – семья!
- Я не люблю тебя, Тед. Я ненавижу свою жизнь. Ненави-

жу этот дом. Я постоянно в таком напряжении, что у меня мозги взрываются.

– Джоанна...

– Я не намерена оставаться здесь ни дня, ни минуты!

– Я кого-нибудь найду. Консультанта по браку, психолога.

Должен быть какой-то выход.

– Ты меня не слышишь, Тед. И никогда не слышал. Я уйду. Уже ушла.

– Ну да, я порой уделяю слишком много времени работе, извини...

– Это здесь ни при чем. Дело не в тебе, а во мне. Я больше не могу так жить. Я должна найти себя.

– То есть? Как ты это сделаешь? Мне уйти? У тебя кто-то есть? Он переедет сюда?

– Ты так ничего и не понял.

– Ну, ты ведь все продумала. Что нам делать, черт побери?

– Я просто возьму свой чемодан, он уже упакован, сниму две тысячи долларов с нашего общего счета и уеду.

– Уедешь? А как же Билли? Его вещи ты тоже собрала?

Ее голос впервые за все время дрогнул.

– Нет... Билли останется здесь. Без меня ему будет лучше...

– Господи, Джоанна!

Она молча вынесла из спальни чемодан и спортивную сумку и вышла из квартиры. Тед стоял неподвижно, потрясенно глядя ей вслед. Он всерьез верил, что жена вернется

от силы через час.

Глава пятая

Он уснул около пяти утра, поняв, что не дожидется ни поворота ключа в двери, ни телефонного звонка с извинениями: прости, я тебя люблю.

В четверть восьмого он услышал голоса в доме. *Джоанна?! Нет, Бэтмен и Робин.* Будильник Билли закричал голосами неунывающего дуэта: «За нами опять прислали, Бэтмен? Да, Робин, надо разбудить наших друзей».

Господи, с чего начинать? Что сказать Билли?

– А где мамочка?

Не успел глаза открыть, а уже подавай ему мамочку!

– Понимаешь, мы вечером немного поссорились...

Вообще-то, мы не ссорились.

– И мама решила уехать ненадолго, чтобы как следует поплиться. Вот ты, бывает, рассердишься, хлопнешь дверью и не хочешь, чтобы кто-то заходил к тебе в комнату.

– Да, я рассердился, когда мамочка не давала мне пирожное.

– Ага.

– Хлопнул дверью и не пускал ее в комнату.

– Ну, вот и у нас так. Мамочка разозлилась на папочку и захотела побыть одна.

– А-а.

– Так что в садик отведу тебя я.

– А когда мама вернется?

– Не знаю.

– А она заберет меня из садика?

Проснулся минуту назад, а все уже так сложно.

– Я заберу, или Тельма.

Он помог Билли одеться, кое-как накормил завтраком и отвел в садик. «Котятки» шли сегодня в цирк, так что Билли моментально забыл о семейных неурядицах и радовался жизни, как всякий порядочный укротитель львов. Тед не знал, что делать: ждать у телефона, идти на работу, звонить в полицию, искать няню на вторую половину дня? *Меня бросила жена. Бред какой-то.*

Он не умел врать. Никогда не сказывался больным на работе, чтобы продлить выходные. Он считал, что врать – это плохо, и даже сейчас, зная, что не может пойти на работу, не хотел обманывать. Как быть? Нельзя же позвонить и сказать, что от тебя ушла жена, как будто подхватил простуду. Он позвонил секретарше и попросил передать боссу, что неважно себя чувствует.

– Что случилось? – спросила она.

– Сам не пойму. – Чистая правда.

У него не поворачивался язык сказать секретарше, что заболел, но он обманывал себя, что ничего страшного не случилось.

Затем он позвонил Тельме: попросил забрать Билли из сада вместе с Ким и оставить у себя до вечера.

– Хорошо, – сказала она, – а что случилось?

– Потом объясню.

Теперь он был свободен до семи вечера: надо дожидаться прихода Джоанны и помириться.

После этого следовало позвонить закадычному другу. *«Слушай, дружище. У меня тут такое... ты не поверишь...»* Однако звонить было некому. Тед внезапно понял, что после женитьбы у него не осталось друзей – только приятели. Стоматолога Чарли его проблемы не интересовали, тот с гордостью рассказывал, что изменяет жене с медсестрой прямо на работе. Марв тоже не поймет. С Дэном он виделся только на футболе, и самой важной темой, которую они обсуждали, были сильные и слабые стороны внутренней линии защиты «Джайентс». С Ларри, который купил новую машину и продолжал катать девчонок по курортным городкам, его пути разошлись. Со старшим братом, который жил в Чикаго и сколотил состояние на торговле спиртными напитками, Тед почти не общался; бывая по делам в Нью-Йорке, Ральф приглашал его скоротать вечер за кружкой пива и обсудить подарки родителям на годовщину свадьбы, чтобы не вышло накладки. Он не поддерживал связи ни с друзьями детства, ни с однокашниками, ни с бывшими коллегами. Вокруг жили семейные пары, и общались они семьями.

Тед все-таки позвонил Ларри, который работал в агентстве недвижимости.

– Тед, дружище! Как дела?

– Ну, честно говоря, не очень. Представляешь, Джоанна меня бросила. Ушла. И ребенка оставила.

– Почему?

– Понятия не имею.

– И что ты собираешься делать?

– Еще не решил.

– А где она?

– Не знаю.

– Просто взяла и ушла?

– Да, ни с того ни с сего.

– У нее кто-то есть?

– Думаю, нет. Феминистки ей аплодировали бы.

– Что-что?

– Она так сказала.

– Оставила тебя с ребенком? Что же ты будешь делать?

– Не знаю.

– Чем тебе помочь? Приехать?

– Я позвоню, если что. Спасибо, Ларри.

Беседа ни к чему не привела, но он хотя бы снял часть груза с души. От эмоциональной и физической усталости Тед провалился в сон и проснулся лишь через несколько часов. Рывком сел на кровати. *От меня ушла жена. Оставила меня с ребенком. Надо как-то дожить до пятницы. И до выходных. Может, она вернется. Или хотя бы позвонит.*

Когда Тельма привела Билли, он заботливо уложил сына спать, прочитав несколько сказок. Мальчик больше не спра-

шивал, где мама.

В пятницу Тед вновь попросил Тельму забрать Билли из садика, сказав, что они с Джоанной «повздорили» и та решила побыть несколько дней наедине с собой.

– Понятно, – хмыкнула Тельма.

Набрав секретаршу, он повторил жалобы на плохое самочувствие. От Джоанны – ни слуху ни духу. Дождался почты, но там были одни счета. Когда зазвонил телефон, он подпрыгнул от неожиданности. В первый раз это оказался рекламный звонок по поводу кабельного телевидения, а во второй – Ларри.

– Как ты, малыш?

– Так себе.

– Я рассказал твою историю одной цыпочке. Она полна сочувствия. Почему бы тебе не пригласить на сегодняшний вечер няню...

– Нет, мне надо быть дома.

– Тогда могу привезти ее к тебе, посидим, выпьем, а потом ты мне подмигнешь, и я смоюсь, как в старые добрые времена.

– Нет, Ларри, спасибо.

– Она любит спасать людей. С виду – скромница, а в постели такое вытворяет!

– Я тебе позвоню, Ларри.

Преисполненный сочувствия Ларри раззвонил о происшествии с Тедом по всему городу.

Вечером они с Билли увлеченно следили за приключениями слоненка Бабара в Нью-Йорке, в Вашингтоне и на другой планете. *Интересно, где сейчас Джоанна?* Тед устало потянулся к выключателю. Через полчаса, когда Билли, по его расчетам, давно уснул, тот крикнул из своей комнаты:

– Пап, а когда вернется мама?

И почему дети всегда задают вопросы в лоб?

– Не знаю, Билли. Но мы что-нибудь придумаем.

– Что, папочка?

– Посмотрим. Спи. Завтра суббота. Поедем на велосипеде в зоопарк и повеселимся как следует. Только подумай...

– А пицца будет?

– Да.

– Ура!

Билли уснул, довольный. Они поехали в зоопарк, и у Билли выдался чудесный денек: уже в одиннадцать утра он получил свою любимую пиццу. Потом катался на тележке, запряженной пони, и на карусели. Играли на местной детской площадке, Билли съезжал с горки и завел новые знакомства. Ужинали в китайском ресторане. Тед пока держался, но надо было что-то решать. *Разыгрывать этот спектакль можно только до понедельника, а там придется идти на работу. Или взять несколько дней в счет отпуска, выиграв еще немного времени. Джоанна может вернуться или хотя бы позвонить.*

В воскресенье утром почтальон принес заказное письмо

для Билли, без обратного адреса. На почтовом штемпеле значился Денвер, Колорадо.

– Тебе письмо от мамочки.

– Прочти мне, пап.

Написано от руки. Тед читал медленно, чтобы Билли было понятно. Да и самому себе.

«Мой дорогой, милый Билли! Мамочка уехала. Иногда случается, что уезжает папа, и мамы воспитывают своих малышей сами. Но бывает и так, что уходит мама, а с ребенком остается папа. Я ушла, потому что должна найти всякие интересные вещи, которыми хотела бы заниматься в жизни. Это нужно каждому человеку, в том числе и мне. Быть твоей мамой – лишь одно из моих дел, а я должна разобраться с остальными. Разумеется, я останусь твоей мамочкой и буду присылать тебе подарки и открытки на день рождения. В своем сердце я всегда твоя мама. Мои поцелуи придут к тебе во сне. Мне пришлось уйти, чтобы изменить свою жизнь. Слушайся папочку. Пусть он будет твоим Мудрым медведем. С любовью, мама».

* * *

Тед представил на секунду, как больно ей было это писать, если ему так больно читать. Билли положил письмо в ящик стола, где хранил счастливые монетки и любимые открытки.

– Мамочка уехала?

– Да, Билли.

– Навсегда?

Сука! Будь ты проклята!

– Похоже на то.

– Она будет присылать мне игрушки?

– Наверное.

– Я люблю игрушки.

У Теда исчезли последние сомнения: она бросила их обо-
их.

В понедельник, доставив Билли в садик, он отвел воспитательницу в сторонку и сообщил, что они с Джоанной расстались и сын будет жить с ним. Женщина посочувствовала и уверила его, что уделит мальчику особое внимание.

Теду хотелось, чтобы ему тоже кто-нибудь уделил особое внимание. Все это время он питался одними бутербродами. Однако ему пора было в офис. Он не мог позволить себе потерять работу, тем более сейчас, когда остался с Билли один. Если его акции поднялись, как только он стал отцом семейства, не упадут ли они теперь, когда он превратился в рогоносца? *Нет, это неправильное слово, она не наставила мне рога. А кто же я?*

С точки зрения своего непосредственного начальника Джима О'Коннора он был «беднягой».

– Что, вот так взяла и ушла? – спросил тот.

– Ага.

– Застукала тебя с другой?

– Нет.

– Ты ее?

– Нет.

– Да, угодил ты в переделку.

– Если можно, я возьму неделю в счет отпуска, чтобы все разрулить.

– Конечно.

– Не беспокойся, это не скажется на работе.

– Честно говоря, Тед, дела в компании идут не лучшим образом. Нам грозит очередное сокращение зарплат.

Лицо Теда окаменело. Неужели его акции упали так быстро?

– Учитывая твою ситуацию, мы сделаем для тебя исключение. Ты, можно сказать, получил прибавку.

– Интересно, банк тоже будет так считать?

– А что ты собираешься делать с парнишкой?

– В смысле?

– Оставишь у себя?

– Он мой сын.

– Ну, у него же есть бабушки и дедушки? Тебе придется туго.

Теду и в голову не приходило, что Билли может жить не с ним. Джим посеял в его душе зерно сомнения. *А вдруг я действительно чего-то не понимаю?*

– Думаю, ему будет лучше со мной.

– Как хочешь.

Тед и сам не знал, чего хочет. Он решил изучить вопрос со всех сторон. Воспитывать Билли самому – не единственный выход. Наверное, можно заставить Джоанну забрать сына. Правда, для этого ее надо как минимум найти. Да и как ее заставишь? Она сказала, что ненавидит свою жизнь. Можно подумать, она сразу передумает, если Тед выследит ее в отеле с каким-нибудь пижоном-теннисистом. Ему уже мерещилось бог знает что. Нет, ну ее к черту! Феминистка хренова.

Какие остаются варианты? В школу-интернат четырехлетнего ребенка не отдашь. Бабушки-дедушки? У Теда давно сложилось впечатление, что за прошедшие годы его собственные родители вдоволь наигрались детьми Ральфа, которые появились гораздо раньше. Бывая в Нью-Йорке, они почти не проявляли интереса к Билли. *Как можно развернуться и уйти в спальню смотреть «Шоу Люси», когда твой внук делает нечто выдающееся, например, впервые в жизни улыбается?* Мать всегда подчеркивала, какими хорошенькими младенцами были Ральф и его детишки. Если Билли не интересовал их даже в короткие наезды в Нью-Йорк, что они будут с ним делать весь дождливый сезон во Флориде? Родственники жены представляли собой полную противоположность. Они слишком переживали. «Осторожно, он выпадет из окна!» «Мам, у нас решетки!» «У него повышенная температура!» «Нет, Гарриет, ему просто жарко, сегодня

тридцать градусов в тени!» Если отдать Билли им, он, скорее всего, выживет. Падение из окна ему точно не грозит. Но захотят ли они воспитывать Билли? Может, они уже не считаются родственниками? *Нет, ерунда все это. Он – мой. Сам справлюсь.*

Тед забрал сына из садика. Позвонила Тельма – предложила привести Билли к ним: «Что ты, никакого беспокойства, они с Ким так хорошо играют вместе!» Спросила, нет ли новостей от Джоанны. Он сказал, что Джоанна не вернется – она их бросила. У Тельмы перехватило дыхание.

– Господи!

– Это не конец света, – бодрясь, сказал он, – все только начинается.

– Боже милостивый!

– Тельма, не устраивай трагедий на ровном месте. В жизни всякое бывает. – Говоря это, Тед не мог вспомнить ни одного подобного случая в реальной жизни.

Телефон звонил, не переставая. Он спокойно объяснял всем, что Джоанна решила покончить с ситуацией, которая казалась ей невыносимой, и поставила его перед фактом. Звонившие предлагали посидеть с ребенком, приготовить еду, спрашивали, чем могут помочь. *Мне ничего не нужно,* думал он. *Пусть только она вернется.*

Пока Билли играл с Ким, Тед пересматривал детскую одежду, игрушки, лекарства, стараясь понять, чего не хватает, что может понадобится в первую очередь. Этим всегда

занималась Джоанна.

На следующий день пришло письмо на имя Теда, вновь без обратного адреса, отправленное из Саут-Лейк-Тахо, Невада.

«Здравствуй, Тед. Нам необходимо уладить кое-какие формальности. Мой адвокат отправит тебе бумаги, связанные с разводом, а также документы, которые понадобятся для оформления опеки над Билли. Джоанна».

В жизни не получал такого мерзопакостного письма, подумал Тед.

Глава шестая

Тед связался с мистером Гонсалесом, представителем банка «Американ экспресс». Дело не терпело отлагательства. Две тысячи долларов, которые Джоанна сняла со счета, подарили ей родители на свадьбу, и она считала эти деньги своими. Карты банка имелись у обоих, но основным владельцем счета значился Тед. Все покупки жена совершала через него. Она могла улететь в другой конец страны, пить джин с тоником у бассейна, приводить в номер жиголо, а он будет за все платить. *Да уж, типичный современный рогоносец,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.